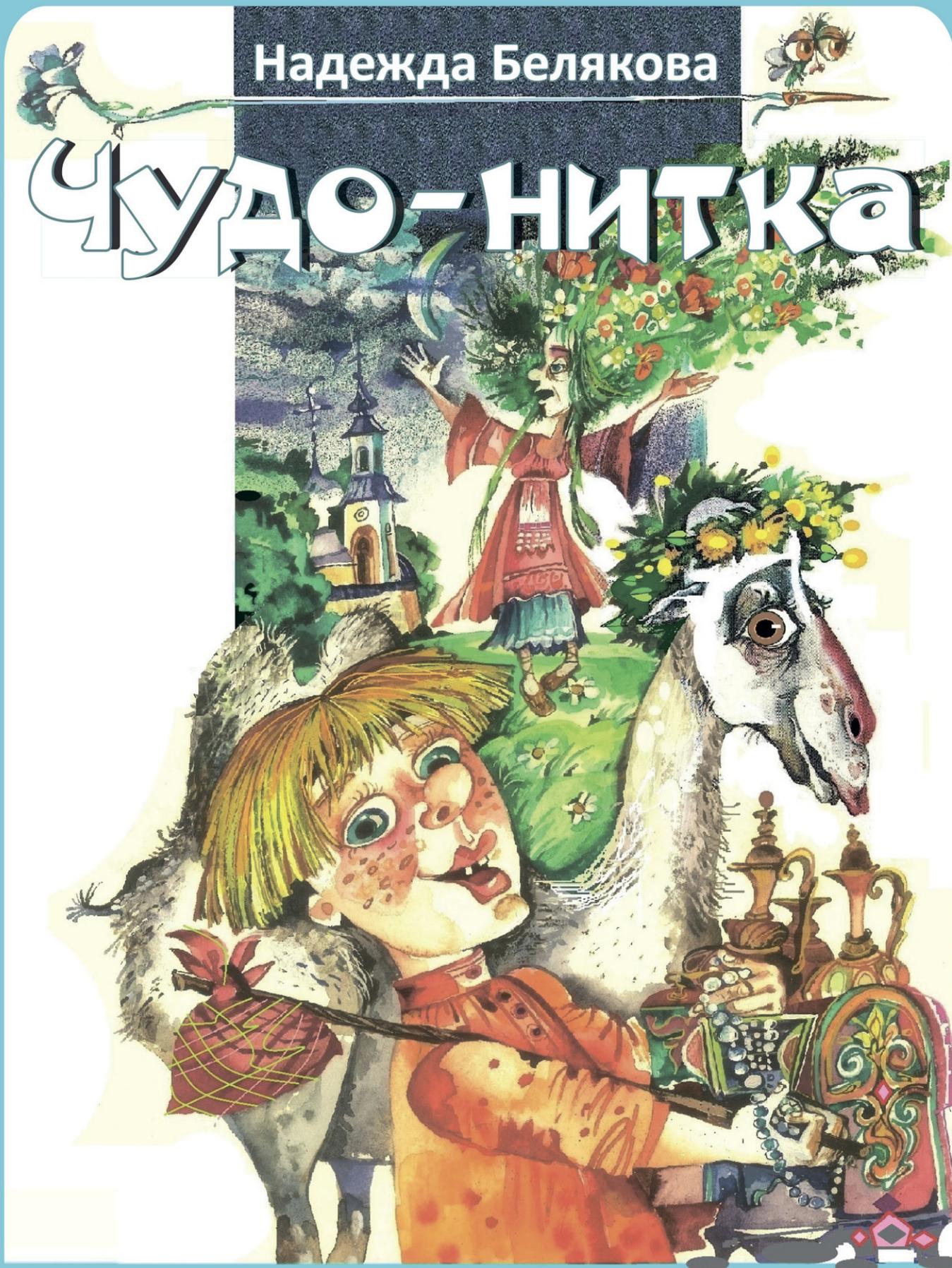

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Надежда Белякова

Чудо-нитка

Школьная библиотека (Интернациональный Союз писателей)

Надежда Белякова

Чудо-нитка

«ИП Березина Г.Н.»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6

Белякова Н. А.

Чудо-нитка / Н. А. Белякова — «ИП Березина Г.Н.»,
2019 — (Школьная библиотека (Интернациональный Союз
писателей))

ISBN 978-5-907042-29-2

Книга сказок Надежды Беляковой «ЧУДО-НИТКА» спорит с привычным: «Живем как в сказке, чем дальше, тем страшней!», потому что в ее сказках чем дальше, тем веселей. И какой бы вихрь чудес и удивительных событий ни закружил героев сказок Надежды Беляковой, вовлекая их в невероятные приключения, но добро остается добром, а зло осмеяно и побеждено героями этих сказок, для которых верным помощником в пути всегда остаются любовь в их сердцах, верность и дружба. А такие спутники не подведут в пути и всегда подскажут правильную дорогу в жизни.

УДК 821.161.1

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907042-29-2

© Белякова Н. А., 2019
© ИП Березина Г.Н., 2019

Содержание

Свистулька	6
Злат-дворец на серебряном озере	14
Тимошка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Надежда Белякова

Чудо-нитка

© Надежда Белякова, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Надежда Александровна Белякова родилась в Москве. Училась в художественной школе им. Валентина Серова. По окончании школы поступила в Московский Полиграфический институт. Во время учёбы как художник-иллюстратор и книжный оформитель сотрудничала со многими московскими издательствами. Окончив институт в 1981 году, поступила на работу на Центральное телевидение, где несколько лет проработала художником-постановщиком и графиком в Главной редакции для детей и юношества. Работу совмещала с оформлением книг в различных издательствах Москвы и других городов, была постоянным участником выставок художников книги. Участвовала в различных художественных выставках. Но, чем бы ни занималась, всегда одновременно писала сказки, детские стихи, прозу, сочиняла музыку. Надеждой Беляковой было издано более 10 её авторских аудиодисков со сказками и песнями, а также её книги – «Сказки», «Сказки мухи Жу-жу-жалки», «Сказки библиотечного Сквознячка», «Сказки Надежды», «Ругачёвские чудеса», «Конкурс», «Отделение виолончели» и другие издания.

Свистулька

Мальчонка лет семи всегда играл глиняными игрушками, которые матушка ему лепила, а вскоре и сам он лепить научился. И так ловко это у него получалось, словно вылепливая свистульки, солдатиков, расписных коней да франтих, смешинку какую-то в них вдыхал. И выходили они из его рук такие напевные и радостные, что глаз не оторвёшь. Хотя в тех местах мастерством удивить было мудрено. Ведь промысел лепки из глины на продажу поделок и игрушек, солонок и подсвечников, кувшинов да крынок издавна известен был. Всея деревней этим кормились. И матушка его мастерица изрядная была. И потому она сердечно радовалась за сына, видя в нём усердие и склонность к лепке.

Так что – верный кусок хлеба и занятие ему найдено. Красоту руками делать – не впотьмах жизнь прожить.

Так лепил он свои весёлые игрушки, помогая матери, а она их обжигала, расписывала и на базар относила.

Одно только печалило и тревожило матушку и её односельчан. Истощаться стали залежи хорошей жирной глины. Потому что давно её из земли для поделок брали. Целыми семьями и деревнями. Глины разной много, с песком, с землёй, а вот такой, что рукам послушная, лепкая, – такую только в одном овраге добывали. Так и выбрали с годами.

Разговоры взрослых об этой печали тревожили мальчонку. И однажды, когда мать ушла на несколько дней в город на базар, чтобы продать вылепленные ими поделки, он деловито собрался, оделся и отправился искать новые залежи глины, годной для их работы. Вышел из дома, встал на лыжи – и вперёд.

Шёл и думал, где бы ему глину искать. И додумался же, такой выдумщик, идти в гору. Потому что решил, что там, на горе, поближе будет к солнышку. И, быть может, там снег уже растаял. И земля обнажилась. И легче будет там глину искать.

Сколько шёл-пробирался, сам со счёту сбился. Совсем из сил выбился. Присел на какой-то торчащий пенёк и заснул, обессиленный, среди тьмы кромешной ночной.

А когда проснулся, увидел, что кругом снега и снега. И так горестно ему стало, такое отчаяние всю-то душу его сковало и тоска слёзная по матушке, по дому родному его одолела, что, подняв голову к солнышку, заплакал мальчонка в голос:

– Эх! Небушко-небо! Солнышко ясное! Что ж не щадите, губите! Я ж не на забаву сюда шёл. А ради матушки, глину искать! Чтобы подспорье нам было. А теперь страшно мне! Вижу, сгину здесь, матушке на горе. Неужто ради неё не пощадите?

И слёзы потекли по щекам. Закапали, падая в глубокий снег, одна за одной. И, видно, уж так жгуче-горячи были его слёзы, что снег вокруг пня, на котором он сидел, таять начал. Он-то не сразу это заметил. Всё плакал от страха, голода и холода. А уж как услышал весеннее журчание, как увидел, что на обнажившейся земле зелёные ростки появились, так и замер в изумлении, оглядывая зеленеющую на глазах поляну. Слез он с пня, хотел обойти, рассмотреть поляну, где среди зимы весна приключилась, да поскользнулся и упал. Барахтается, а подняться не может. Пытается ручонками о землю опереться и встать, так нет! Опять скользит и падает! И тут он понял, что скользит-то он по глине! Взял её в руки и обомлел! Хорошая глина! Да что там хорошая! Такая послушная, мягкая, точно её только что старательно для работы кто-то размял! Прямо готовая к лепке.

Проворно свистульку вылепил, коника крылатого. И очень довольный, что нашёл хорошую глину, стал комья глины, сколько можно, в котомку укладывать:

– То-то матушка рада будет, а то она, наверное, уже домой с базара вернулась и меня ищет. Волнуется. «Эх! Кабы ты, коник, настоящим был и к матушке домой меня перенёс!» – подумалось ему, глядя на поставленную в сторону свистульку, пока он котомку глиной набивал.

И тут вдруг точно рука незримая его свистульку, крылатого коня, смяла, превратив его в ком глины. И ком этот завертелся, закружился на месте. Расти на глазах стал, превращаясь во что-то неопишное. В рост коня настоящего стала свистулька. И крылами глиняными машет, точно в полёт манит. И копытом бьёт, и глиняной гривой трясёт конь.

Ох! И жутко ему стало! А всё равно – любопытство верх взяло. И, вскинув котомку с чудесной глиной за спину, вскочил мальчонка на коня крылатого. Уж что тут случилось! Зарябило у него в глазах. Солнце с луной вместе со звёздами мелькать стали. Ветер в ушах свистит и воет. Летит мальчишка над родными местами в обратный путь, прямо к дому.

И вдруг стихло всё. И опустился он плавно, точно пушинка с неба, прямо на крыльцо своего дома. Только дух перевёл, а конь тот резвый, что перенёс его домой, на глазах уменьшаться стал, пока прежней свистулькой рядом с ним на крыльце не замер. Малец взял её в руки, чтобы получше рассмотреть.

– Ой! Сынок! А что же ты такой чумазый на крыльце сидишь? – услышал он голос матушки.

Поднял голову и увидел, что это матушка его только что с базара возвращается, к калитке подошла.

И он, обрадованный тем, что всё ж раньше её домой воротился, бросился ей навстречу.

Уж она не знала, чему больше дивиться – рассказам ли его о диковинном походе или тому, какую хорошую глину сынок раздобыл.

Отставив в сторону свистульку, стали они на следующий день новые игрушки да вещицы на продажу лепить. Лепилось как пелось из той удивительной глины. Потом расписали и обожгли. А когда готово всё было, бережно уложили всё в дорожный короб. И, переложив каждую вещицу соломой для сохранности, вместе отправились в город на базар. Продавать.

Утром базарного дня расставили они с матушкой на прилавке всю свою глиняную расчудесицу цветастую. Народ подходит, глазееет, любуется. Уж больно хороши игрушки и прочие поделки. Вот как лепились они с лёгкой душой и весёлым сердцем, так смотреть на них отраднo.

Но мало этого! Свойство удивительное в той глине, из которой всё это вылеплено было, открылось.

Стоило кому-нибудь повнимательней на них засмотреться с мечтанием затаённым в голове, как тотчас сминалась вещица в ком глины. И тотчас прямо на глазах у всего честного народа превращалась в то, что тому человеку думалось-мечталось, в полной ясности отражая, что у кого на уме.

Как протиснулись к прилавку девки смешливые, хохотушки румяные, так все поделки разом смялись да в свадьбу превратились. Не чудно ли?

А как подвинула их крепким локтем молодая вдовица, что скучала, томилась, проживая оставленное мужем, стариком-купцом, богатство, и засмотрелась на диковинные превращения – тотчас смялась вся их глиняная свадьба. А взамен образовался один молодой фронт с подкрученными усиками, по последней моде расфуфыренный. Модную шляпу с головы сдёргивает и вдовушке наособицу кланяется. Она вся аж зарделась и под общий смех и прибаутки юркнула в толпу.

Растолкал народ и протиснулся к прилавку купец. Да только глиняными монетами всё под его упорным взором становилось.

Словом, в тот день весь базар толпился у прилавка, где мастерица с сынком поделки свои выставляли. И уж сколькими пуговицами оторванными да валенками вокруг их прилавка усеяно было! Да уж не меньше, чем носов битых, девичьего визга да бабьего смеха!

Раскупили в тот день игрушки, кроме той первой свистульки! Ещё той, что слепил малец тогда, на горе сидя. Так и она одна расчудесные фортелы выделявала под взглядом отставного солдата. Целая баталия из неё вышла. Туда-сюда солдатики глиняные бегают. Пушечки глиняные глиняными снарядами заряжают и палят. Народ разбежался кто куда от греха подальше. Мать с сыном под прилавок забились. Но услышали, что стихло всё разом. Выглянули. И ещё пуше прежнего оторопели.

Потому что стоит у их прилавка сам генерал-губернатор тамошний во всей своей величественности. Он инвалида, старого солдата, подвинул и грозно на замершую под его взглядом баталию посмотрел. Она разом в глиняный ком свернулась и медалью оборотилась.

Он ту медаль сгрёб и за обшлаг убрал. А им, матушке с сынком, с ним идти повелел. И как послушаться!

Пошли за ним, потом в карету его сели и поехали по городу. Так в крайнем изумлении и онемении приехали они к особняку того самого генерал-губернатора. Вышли вместе с ним из его кареты и вошли следом вовнутрь, сторонясь царственно нарядного дворецкого.

Ещё от тех чудес не остыли, а уж от такой дивной красоты, что в особняке они увидели, и вовсе голова кругом пошла. Вазы малахитовые меж колонн мраморных красуются. Вдоль стен, на которых картины прекрасные в золочёных рамках развешаны, бронзовые купидоны с нимфами резвятся. Радужные зайчики в люстрах хрустальных мелькают отражением множества свечей.

Паркет наборный, узорчатый – до того хорош, что по нему и ступать-то боязно растоптанными их валенками. Стоят, любуются как зачарованные, словно в ту щёлочку в заборе заглянули, что рай от нас, грешников, огораживает.

А генерал-губернатор в то время повелел их на кухне накормить, обогреть и приодеть. Потому что к гостям иностранным предстоит им выйти, когда он позовет. А гости в тот вечер весьма именитые ожидались.

Король заморский, что проездом через наше Отечество со всею своей свитой проезжал, вернее, возвращался со свадьбы своей дочери, которую замуж выдал в семейство царя соседнего с нами царства.

Так что ответственное дело выпало генерал-губернатору: принять честь по чести предстояло в том особняке тем зимним вечером. И потому гудела кухня как улей и сновали туда-сюда как чумовые разряженные слуги.

Особняк сверкал! А приглашённые музыканты играли модные вальсы, пробуждающие в душе и кротость, и умиление.

Генерал-губернатор был человеком обстоятельным и рассудительным и всё-то до мельчайших подробностей продумал, как ему высокого гостя принять.

Старался, чтоб не то чтобы придраться было не к чему, а чтобы впечатление осталось у короля и всей его свиты самое расчудесное о пребывании в Отечестве нашем. И чтобы уважение к державе у чужеземцев после посещения осталось. Праздник он устроил великолепный.

Старался он, потому что Отечество всею душою любил и всегда радеть для него готов был.

А знал он некую особенность разных иноземцев говорить о нас если и с почтением, то непременно вроде как в прошедшем времени: «Помним, мол, и почитаем великую вашу историю, о великих свершениях и победах ваших отцов и прадедов не забываем! А вы, нынешние, вроде как жидковаты стали!»

И потому уж очень хотелось ему показать, что не только лучами былой славы освещены деяния наши – и сами мы, нынешние, всему былому не пасынки.

И как только он почувствовал, что настал черёд позабавить гостей, дождался, когда тосты стали сменять друг друга всё чаще и звучать всё непринуждённее – тут он на один из тостов короля о былой славе нашей литературы и науки в ответ повелел позвать мастерицу с сыном.

А сам посреди торжественного стола поставил ту свистульку, что мальчонка вылепил. И говорит:

– А вот, извольте, Ваше величество и вся ваша королевская свита, полюбопытствовать на то, что и в самой крестьянской малости, в простонародной забаве у нас всегда чудесам место найдётся!

Те в недоумении свистульку рассматривают, стоящую среди фарфора изысканного, хрусталей, серебра столового.

Генерал-губернатор глаза закрыл и скоро про себя молитву шепчет и мысленно крестится, чтобы то чудо, что своими глазами днём на базаре видел, повторилось. Боязно ему стало: чудесам-то ведь не прикажешь!

Возгласы удивления заставили его открыть глаза. Ну, что охи да ахи расписывать! Не подвела свистулька! Такие выкрутасы пошла творить, что генерал-губернатор про себя только Бога благодарил и радовался.

Первыми, по девичьей своей живости, поближе к ней протиснулись фрейлины. И уж всё-то их легкомыслие свистулька во всей красе всем на потеху отобразила. Среди тарелок и бокалов кружились в танце глиняные дамы и кавалеры, жеманились и время от времени женились.

Фрейлин сменили кавалергарды, но король приказал немедленно отойти подальше, потому как что у тех на уме, прилюдно показывать нельзя.

Видя, что свистулька честно отображает, что у кого на уме, повелел сам король всей своей свите поочерёдно к ней подходить для ознакомления с их умонастроением. До глубокой ночи не смолкал смех в том замке. Веселились от души гости и сам генерал-губернатор. И, довольный тем, что увеселение так славно удалось, под шумок распорядился генерал-губернатор принести сундучок, наполненный монетами. Его щедрый платёж за свистульку. И приказал привести в зал мастерицу с сыном, чтобы гости видели, что чудеса у нас творит самый простецкий люд. И представили, что же народу образованному в таком случае под силу сотворить.

Так ввели их в зал, отогретых, накормленных да наряженных, чтобы гостям представить. При гостях сундучок генерал-губернатор и вручил им от чистого сердца. Король от себя тоже добавил.

Благодарили их изумлённые мать с сыном и, кланяясь, удалились из зала. Как вышли они из зала, не стали дожидаться, пока зипуны их замызганные им возвратят. А, пользуясь тем,

что прислуга гостям угождала и не до них всем в особняке было, поскорее дёру оттуда дали. И правильно сделали, что убежали.

Потому что в разгар веселья захотелось королю узнать, что и у палача королевского на уме. Уж этого-то зачем с собой в такую даль потащили? Непонятно! То ли опыт перенимать, то ли думали, что у нас этого добра мало. Так ведь нет!

Но, коль приказано, пошли его будить. А он уж который сон видел, в общем празднике не участвовал. Хоть и в свите, но палач есть палач. От него всем подальше держаться хочется. И потому палач всегда особняком держался.

А тут разудалая королевская свита к нему в каморку явилась – и ну его толкать-будить. Спросонок палач был ещё угрюмей, чем обычно. По весёлым и разгорячённым лицам придворных заподозрил, что насмешку над ним учинить хотят. Не иначе...

И как увидел он, что подталкивают его к столу, к тарелке, а на ней ком глины, – так и вовсе осерчал палач. И злобу затаил, глядя на прыскающих от смеха придворных, приказывающих ему смотреть на этот кусок глины как можно внимательнее.

И он посмотрел в настроении самом злобном. Юлой завертелась на тарелке глина и стала расти, расти прямо на глазах, превращаясь в топор. А чего король другого ожидал в голове палача обнаружить!

Вдруг топор этот глиняный взлетел и, к ужасу всех придворных, стремительно понёсся. Все свечи точно разом задуло. Темно стало. Жутко! Облетел топор петлей вокруг толпы замерших от ужаса придворных три круга. И, вдребезги разбив окна, вылетел незнамо куда. А в разбитые окна ворвалась метель. И всех, кто тут был, снегом запорошило. Обледенела вся свита вместе с королём.

Вот так разом тот праздник и кончился. Прибежали слуги со свечами. И увидели, что вся обледеневшая свита и король лежат то ли без чувств, то ли заснувшие, словом – все не в себе. Что к чему разбираться не стали. С чудесами-то какой разбор? И погрузили всех скопом на большие возы. Говорят, что пока не довели их до родного королевства, так все и спали ледяным сном. Но домой как попали, отогрелись – так и проснулись как ни в чем не бывало.

По приезде в своё королевство об истинной причине странного возвращения вся свита помалкивала. Да и кто поверил бы, что русская свистулька такое вытворять может! Но слухи, конечно, ходили. Да и сейчас ходят.

А вот с генерал-губернатором с того дня странности начались. Сам по себе жив-здоров, крепкий и дородный мужчина. Но важнее всех дел стало для него игрушки глиняные скупать. Забросив все дела, уезжал, бывало, на базары, ярмарки, чтобы закупить там простецких игрушек народных.

Расставлял их по всему своему дворцу, так что со временем тесно там стало. И день-деньской всё смотрит на них во все глаза, точно чуда ждёт.

Генерал-губернатор это объяснял так:

– Вот смотрю на них, люблюсь! Всё надеюсь, что встретятся те чудесные игрушки, что мастерица с сыном делает. А значит, не обидел тогда в ночи их лихой человек! Надеюсь, что они живы-здоровы. Смотрю на игрушки, но ничего не отражается, ни во что они, как тогда, не превращаются! Но я думаю, что этого оттого, что в голове моей пусто и скучно. А они-то те самые, чудесные игрушки!

Злат-дворец на серебряном озере

Мой дед Иван частенько сам себе тихонько напевал одну песенку, которую я нигде больше не слышал. Но, как только видел меня рядом дед, сразу же замолкал или напевал что-то другое. И сколько ни просил я его допеть эту песенку, но ни разу дед ту песню до конца мне не допел.

– Дед Вань! Может быть, ты забыл, о чём дальше в песенке этой поётся? – частенько спрашивал я его. Но дедушка только отшучивался:

– Хм! Как же, разве забудешь эту песенку! С этой песенкой я богаче самого богатого богача был. Да ну её!.. Ни к чему тебе та песенка! Своим умом живи!

Однажды, очень обиженный тем, что дедушка не хочет допеть эту песенку до конца, я сказал ему:

– Дед! Да неправда всё это! Сам напридумал чего-то, – так сказал я, не поверив деду.

Тогда я и сам не ожидал, что так огорчится мой дедушка Ваня тому, что я ему не поверил. И решил дед всё-таки рассказать мне историю этой песенки. Чтобы стало мне понятно, почему никогда не пел он ту песенку до конца и чем ему была она так памятна.

Как-то раз, ещё совсем молодым парнем, пошёл мой дед Иван в лес, то ли по грибы, то ли за хворостом – да это и неважно. А по дороге пел. Петь дедушка всегда любил. А уж когда молодым парнем, кудрявым красавцем был с красивым сильным голосом – так целыми днями распевал. Хорошо на душе – песня весёлая, звонкая льётся. Холодно, голодно, печаль-кручина подступает – такую песню запоёт и так словно всю душу на ладонь выложит. И уж так песней своей распечалит, до самой сердечной тоски. Обо всём ему поётся.

Так и в тот день было – бродил он с песней по лесу. То цветочек увидит – zalюбуется, то сучок диковинный подберёт. И не заметил, как с дороги сбился. Казалось ему, что здесь рядом где-то тропинка, которую он потерял. Искал и не замечал, что всё дальше вглубь леса уходит. Солнце садилось, сумерки сгущались, в лесу становилось всё темнее. И сколько ни метался мой дед Иван по лесу, но никак дорогу обратно найти не мог. Чтобы самого себя подбодрить, громче стал дед петь. Вдруг услышал он, что кто-то поёт в лесу совсем рядом с ним. И недалеко. Голосом грубым, хриплым, усталым. Чувствовалось, что измотался человек, измучился. Тоже, видимо, заблудился кто-то да сам себе и напевает. Чтобы поддержать его, дедушка прислушался, что пел тот человек, и стал ему подпевать, пробираясь к нему сквозь чащобу.

– Раз уж оба заплутались в лесу, вдвоём-то легче будет! Как-никак, а вдвоём веселей! – вспоминал мой дед Иван.

И вот уже почти рядом оказался я с тем человеком, как такое приключилось, что и не знаю, как описать. Одно слово – чудо, да и только!

Тёмный лес наполнило заревом. Стало вокруг ослепительно светло. А свет тот, точно ручеек, струился из-под ёлки, что между мной и тем мужичком стояла. И прямо на глазах, как гриб из-под ёлки, стал расти сначала маленький, как игрушечный теремок, всеми цветами переливающийся. Пока смотрели-дивились мы на него – он высотой в дом стал. Но и на этом не остановился – растёт выше леса, сверкает. То красным цветом переливается, то ещё каким – не уследишь. Да и сам терем затейливый такой – то шатры золотые, то маковки лёгонькие. И ворота, и всё вокруг было украшено золотыми колокольцами, которые на удивление ладно вызванивали ту самую песенку, которую напевал, а вернее, хрипел нечаянный мой приятель. Вот тут-то мы с ним и вышли навстречу друг другу. Оба онемевшие разом от расчудесины диковинной, что довелось нам увидеть.

Только этому чуду подивились, а уже другое на глазах твориться стало. Прямо у наших ног ручеек разлился. Сначала маленький такой, едва из-под земли пробился. Стал расти, расти. И вдруг оказались мы рядом с золотым теремом. Жмёмся к нему, а вокруг озеро плещется. Оно раскинулось, да так широко, что краёв-концов этого озера не видно. А терем посередине островком стоит, и всё звенит, и сияет. Две золотые птицы-сирены сидят на воротах и поют. Стоим, к стенам того сверкающего чудо-дворца жмёмся. Отражением звёзд на серебряном озере любимся. Хотел я напиться воды из этого озера. Беру пригоршню, а вода в серебро превращается.

– Попить бы мне! – говорю. Только и успел выговорить – тут как тут слуги появляются. Да такие разодетые! Я ни в один праздник так не наряжался. А слуги нам говорят с почтением, низко кланяются:

– Пожалуйте, господа, во дворец, мы вас давно поджидаем, кушать уже подано.

Вот так дела! Господами нас величают. Вводят слуги нас во дворец, а там такое застолье пиршественное! Музыканты веселей музыку заиграли, посуда такая... нет, не стану описывать, не поверите. Всё одно мы такое за всю жизнь не видали – нам и не понять, что за чем, что для чего сделано-приготовлено.

После того как поужинали, мы и познакомились. Стали друг другу про себя рассказывать. Говорит этот человек:

– Сам видишь, парень, сколько тут всякого добра, давай решать, как делить будем? – Не знаю, право, как и думать-то мне о дележе. Всё мне кажется, что это чудный сон. Вот-вот развеется, – отвечает дедушка.

– Это-то сон? Это явь, парень, самая что ни на есть явственная! Уж я-то это знаю, дорого я за всё это заплатил... – И стал он рассказывать, с чего всё началось.

– Был я когда-то молодой, весёлый. Добряк, а голос – и себе и другим в радость. Ах, как вспомню! Бывало, идёшь с покоса, а в деревне и стар и млад уж на крыльцо выходят песни мои послушать. Одно плохо, что поутру радость – песня, и в полдень, и к вечеру. Порой всё заменяла – и кров, и пищу. Вот и смутил меня слух, что есть такая песня заветная: её споёшь, и вот это самое богатство вдруг перед тобой и окажется в полном твоём распоряжении. И узнал я эту песенку. И что обогатить одна песенка на всю жизнь может. Но только её и нужно петь! Долго по лесам бродил я. Всё эту песню окаянную пел. Одичал совсем. Голос – и тот потерял. Если б не твой молодой и сильный голос, если бы не подпел ты мне вовремя – не случилось бы этого чуда. Потому что эта песня должна быть спета только красивым и сильным голосом. А иначе – так и не видать бы мне всего этого. Совсем пропал бы.

Слушал его горестный рассказ Иван, а сам примечал, как бедолага этот горемычный, пока всё это рассказывал, вилки со стола, драгоценными камнями украшенные, в карманы засовывал. И подумал про себя Иван: «Вот погляди-ка – богатство кругом какое! Но никак человек угомониться не может! Жадного и вовек не насытить!»

И правда – столы от яств ломаются. Свечи толстые кругом горят, безо всякой бережливости так и пылают, точно днём ясным солнышко светит. На разные лады ту песню невиданные инструменты наигрывают.

Тут слуги появились, за стол нас усадили, потчуют, как почетных гостей. Три дня пировали-отдыхали. Но как только захотелось мне от радости запеть и запел я, тотчас треск раздался и появилась трещина в стене расписной. Подбежали встревоженные слуги и умоляют никаких песен, кроме той заветной, не петь. Объяснили, что от вольных песен во всём Злат-тереме повреждения начинаются, страшнее землетрясения. Очень вольные песни опасны для Злат-терема и всего этого великолепия. Живите, сколько живётся, только песен никаких, кроме этих, тут петь нельзя. Призадумался Иван, а тут его попутчик опять спрашивает:

– Как, Ваня, делить всю эту роскошь и Злат-терем будем?

– А никак! Владей всем один, коль тебе в радость! Не по душе мне всю жизнь одну песню петь, вроде как в услужении этому Злат-терему быть! Насытился я и сил набрался на обратную дорогу. Мне в обратный путь, домой пора. Прощай!

Поклонился Злат-терему на прощанье за роскошное угощенье. Слуг поблагодарил, а те проводили его к серебряному озеру. В лодочку усадили и приналегли на сверкающие, бог весть из чего сделанные весла. Ими три раза всего махнули и оказались на берегу серебряного озера, откуда едва виден был золотой терем, стоящий посередине.

– А теперь, пожалуйста, – сказали слуги, – отойдите подальше в сторонку и пойте сколько хотите свои вольные песни. Только уж очень просим: потише, а то от этого может в нашем тереме повреждение произойти.

Глубоко вдохнул я влажный лесной воздух – и как запел любимую свою удалую песню, так и растаяли тотчас и серебряное озеро, и сам терем золотой.

Хоть и темно было, но я твёрдо решил, не медля нисколько, искать дорогу домой. Долго я брёл без отдыха. День наступил, и новая ночь прошла, а я все шёл и шёл. Проголодался очень. Дай, думаю, спою-ка я свою знакомую песенку, ту самую, может быть, возникнет дворец золотой. Перекушу хорошенько. Дальше дорога легче покажется. Так и сделал. Не получилось. Но время от времени запевал я эту песню снова.

Вышел, кажется, день на пятый своего пути на поляну, полную спелых ягод. Ягоды крупные, сочные. Рядом ручеек журчит. Наклонился я над ручьем, взгляделся в лужицу, что рядом с

ним была, и увидел, что стал я совсем ободранный, глаза голодные, щёки впалые – прямо родной братец того человека, которого в Злат-тереме всем владеть оставил. Что было силы запел я ту песенку – надо же как-то спастись, хотя голос мой изрядно сел. И тут все как по-писаному произошло. И ручеёк в серебряное озеро превращаться стал. И терем золотой на глазах расти стал. Но слуги не выбежали, чтобы на пир зазывать. А вместо слуг выбежала навстречу девушка. Бледненькая такая, лицо грустное, в руках узелок.

Старенькое её платьице было бережно кое-где подштопано и небрежно подпоясано пояском, который переливался всеми цветами радуги. От сверкающих драгоценных камней, которыми он был украшен, исходили яркие цветные лучи.

Сказала она, что рада видеть Ивана. Потому что заждалась, чтобы хоть кто-нибудь отыскал этот золотой терем, чтобы отдать его тому, кому нужен он. Пригласила входить и владеть всем, что только пожелаешь, в этом тереме, а она, говорит, по дому скучает очень. А без призора терем оставить жалко было, а ну как пропадёт без хозяйского глаза. И вправду, как-то особенно чисто, уютно было в этом Злат-тереме, словно сердечнее показалось ему всё вокруг.

Только вошёл Иван, представил себе поросёнка жареного и цыплёнка пареного – всё-миг на столе оказалось. Для удовольствия хозяйки заказал фруктов диковинных, то землянику под потолок ростом пожелает, то арбуз сладкий с вишню размером – только ничего не веселит хозяйку. Поел сытно, хорошо. Думал, чем развеселить девушку, музыку хорошую, пляски устроить. Прилетели мотыльки, бабочки, как девки в праздник, нарядные, пёстрые, стали они хоровод водить, то так, то эдак. Хлопнул в ладоши – кузнечики стали на скрипках играть, птицы трели выводить, а заморские птицы, попугаи – петь. Одно досадно: и пели, и играли они всё одну и ту же песенку, а она и без того наскучила. Посмотрел Иван на девушку и понял, что и её песня эта только ещё грустнее сделала.

– Надоело мне всё одно и то же слушать! А ведь я певунья была, – словно стыдясь чего-то, посетовала девушка.

– Отчего же это – была? Давай-ка споем, а ну его, терем этот. Он только поначалу радует, а потом тюрьма тюрьмой! – возразил Иван.

И запели они песню звонкую, весёлую. И затрещал Злат-терем со всем своим роскошеством и вмиг растаял. И оказались они в лесу у ручейка.

– Позволь, певунья, провожу тебя? – спросил Иван у красавицы.

– А и вправду! Проводите, пожалуйста! Страшно одной в лесу! – честно призналась девушка. Так отправились они в путь.

– Коротка ли дорога была, длинна – не помню. Только помню, песен много пели. Помню, что краше и краше девушка становилась, румяней, а глаза озорные, весёлые, – вспоминал дед и сам словно молодец от этих счастливых воспоминаний. – Вскоре показалась деревня, откуда родом моя спутница. Выбежали родители девушки, радостно встретили нас. Дочке уж так радовались, так радовались!

А я, как с родителями познакомился, так сразу и объявил им, что желаю на дочке их жениться, потому как невозможно до чего в неё влюблённый. Такой влюблённый, что и описать невозможно.

С тех пор и живём-поживаем с бабушкой твоей. И ни о золотых теремах, ни о серебряных озёрах не тужим. Детей вырастили, теперь внуков растим. А песенку ту до конца не пою, чтобы неповадно было на всякое глупое баловство время тратить. Потому что не стоит ни Злат-терем, ни серебряное озеро вольной песни, что от души поётся! – сказал дед. И правильно сказал!

Тимошка

– Здравствуй, Тимошка! – крикнула соседка, увидев, что её сосед, малыш Тимошка, мальчонка лет пяти от роду, спешил к реке на рыбалку. Он волочил за собой пустое ведро, которое, подсакивая на кочках, гремело, ударяясь о землю и камни. На его детском плечике лежали огромные, настоящие удочки.

Тимошка оглянулся и ответил ей и соседям, собравшимся у колодца и обсуждающим новости в их деревне:

– Здравствуйте, соседи дорогие! Доброго здоровья всем!

– Эй! Тимошка! Да ты опять на рыбалку? Да в такую-то рань? – удивилась соседка.

– Да! На рыбалку! Я рыбалку люблю! – ответил Тимошка и пошёл вниз, спускаясь по крутому берегу к реке.

Когда Тимоша скрылся из глаз, все соседи с пониманием вздохнули о судьбе малыша Тимоши, о его сиротской доле.

– Да! В нашей деревне чудеса не переводятся! Говорят, что и прадед нашего Тимошки тоже заядлый рыбак был. У них в роду все такие. Сколько захочет, столько и выудит! Вот такой талант, такое наследство в их семье от отца к сыну переходит! И Тимоша наш рыбаком уродился. Как только на ножки встал, первые шажки сделал, так на рыбалку и потопал! Совсем малыш ещё, сам-то – дитя малое, а рыбачит всем на удивление, – обсуждали соседи меж собой.

И как рыбачит! Усядется удить там, где ни у кого не ловится. И одну за другой рыбин выгаскивает. Что на пруду, что на реке – всюду Тимошке удача. Идёт к нему рыба как заговорённая. Вот такая милость, такой талант от рождения у него. Да... Такой же и у отца его, и у деда был. Вот ведь повезло мальцу: всегда обед ему, сироте-то. Талант такой ему – просто спасение! А народ удивляется: как такой махонький мальчуган так ловко справляется с уловом?! И ну с расспросами к нему:

– Может быть, ты слово заветное знаешь?

А Тимошка возьми да и соври:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.